

DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924

УДК 82-84:81'37'42

Научная статья / Research article

Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах

Е.Е. Иванов

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
212022, Республика Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1

 ivanov_ee@msu.by

Аннотация. Афоризм, несмотря на свою древность и универсальность как речевого жанра, до сих пор не имеет общепринятого понимания собственных свойств как малой текстовой формы и характеристики своего места в кругу иных видов минимальных текстов. Цель исследования — определить характер соотношения афоризма и малых текстовых форм, функционирующих в существующих видах дискурса, устном, письменном, электронном. Методы исследования — эвристический, описательный, лингвистический анализ текста, структурно-семантическое моделирование, дискурс-анализ. Материалом для исследования послужили афористические единицы как отдельные тексты и как структурные элементы неафористических текстов — всего около 100 000 афоризмов из более чем 300 справочных, литературных и иных источников. В результате исследования установлено, что афоризм не является специфическим видом текста, поскольку может одинаково успешно порождаться и функционировать в качестве различных текстовых форм в разных видах дискурса, устном, письменном, электронном. Афоризмами могут быть и литературные изречения (классические и современные разновидности), и литературные произведения-миниатюры (включая их национальные разновидности), и однофразовые тексты в большинстве их дискурсивных и жанровых форм, и паремии (пословицы, народные приметы, прибаутки и др.). По отношению ко всем существующим разновидностям малых текстовых форм понятие афоризма целесообразно рассматривать либо как категориальное, если речь идет о минимальных текстах, обладающих дифференциальным признаком афористичности — обобщенно-универсальным содержанием, либо как классификационное, если речь идет обо всем корпусе минимальных текстов в смысле их дифференциации на две категории единиц — «афоризмы» и «не афоризмы». С афоризмами не могут вступать в парадигматические отношения те малые текстовые формы (апофегмы, хрии, веллеризмы и под.), которые имеют сверхфразовую структуру и способны включать в себя афоризмы в качестве композиционных элементов.

© Иванов Е.Е., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: афоризм, малая текстовая форма, однофразовый текст, литературное изречение, художественное произведение-миниатюра, паремия, национальная разновидность малого текста, дискурс

Финансирование. Благодарности:

Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН (Российская Федерация). Исследование частично выполнено в рамках Государственной программы научных исследований 2021–2025 гг., проект ГР № 20211335 (Республика Беларусь).

История статьи:

Дата поступления: 30.08.2022

Дата приема в печать: 15.09.2022

Для цитирования:

Иванов Е.Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses

Eugene E. Ivanov

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198

Mogilev State A. Kuleshov University,
1, Kosmonavtov Str, Mogilev, Belarus, 212022

 ivanov_ee@msu.by

Abstract. Aphorism, despite its antiquity and universality as a speech genre, still does not have a generally accepted understanding of its properties as a small text form and characteristics of its place among other types of miniature texts. The object of the study is to determine the nature of the relationship between aphorism and small text forms that function in existing types of discourse (oral, written, electronic). Research methods — heuristic, descriptive, linguistic text analysis, structural-semantic modeling and discourse analysis. The material for the study covers both aphoristic units as separate texts and as structural elements of non-aphoristic texts — a total of about 100,000 aphorisms from more than 300 reference, literary and other sources. As a result of the study, it was found that aphorism is not a specific type of text, since it can be equally successfully generated and function as different text forms in different types of discourse (oral, written, electronic). Aphorisms can be literary sayings (classical and modern varieties), and literary works-miniatures (including their national varieties), and one-phrase texts (in most of their discursive and genre forms), and paremiological units (proverbs, folk signs, jokes, etc.). In relation to all existing varieties of small text forms, it is advisable to consider the concept of aphorism either as a categorical one (if we are talking about miniature texts that have a differential sign of aphorism — a generalized universal content), or as a classificatory one (if we are talking about the entire corpus of miniature texts in the sense of their differentiation into two categories of units —

“aphorisms” and “non-aphorisms”). Aphorisms cannot be involved into paradigmatic relations with those small text forms (apophegms, chryas, wellerisms, etc.) that have a superphrasal structure and are capable of including aphorisms as compositional elements.

Keywords: aphorism, small text form, one-phrase text, literary saying, miniature work of art, paremiological unit, national variety of small text, discourse

Financing. Acknowledgement:

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project no. D.2-F/S2022 (Russian Federation). The study was carried out of the State Program of Scientific Research 2021–2025, project SR no. 20211335 (Republic of Belarus).

Article history:

Received: 30.08.2022

Accepted: 15.09.2022

For citation:

Ivanov, E.E. (2022). Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(4), 898–924. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Введение

Одной из актуальных проблем лингвистики текста и в целом языкознания остается собственно лингвистическая квалификация и дифференциация текстов, отличающихся минимальным объемом в плане своей формы (синтаксической организации и лексического состава). Выделение таких текстов в отдельный объект лингвистического исследования произошло сравнительно недавно [1], поэтому на определение их языковых особенностей оказывает значительное методологическое влияние давняя традиция изучения сверхкратких текстов в рамках риторики, поэтики и фольклористики (в том числе и афоризмов [2]). Построение лингвистической теории минимальных текстов осложняется еще и их заметными отличиями в устном и письменном дискурсах, а также их спецификацией в стремительно развивающихся видах и жанрах электронного дискурса.

На фоне структурно-семантического разнообразия минитекстов в разных языках и шире — в различных этнических и национальных лингвокультурах разработка общей лингвистической теории минимального текста предполагает в настоящее время обращение прежде всего к его универсальным разновидностям (как в синхронии, так и в диахронии). Одной из таких разновидностей минимального текста можно считать афоризм, который в своем классическом понимании как краткое обобщенное по содержанию обособленное высказывание широко встречается в философском, дидактическом, религиозном дискурсах древних лингвокультур (Египта, Китая, Греции, Индии и др.) [2. С. 382], а первым известным письменным памятником афоризмов является древнейшее собрание правовых формул — старовавилонский «Кодекс Хаммурапи» (около 1750 до н.э.), состоящий из 282 обособленных изречений [2. С. 390].

Несмотря на всю свою древность и универсальность как речевого жанра афоризм не имеет до сих пор не только общепринятого, но и верифицированного теоретического понимания своих свойств как разновидности текста и своего места в кругу иных видов минимальных текстов. Наиболее показательными в этом плане являются многочисленные разноречивые мнения о тождестве vs. различии, с одной стороны, афоризмов и пословиц [3], а с другой — афоризмов и малых литературных жанров [4]. В последнее время появилось множество не менее противоречивых попыток идентификации vs. размежевания афоризмов и разнообразных «малоформатных текстов» [1] в различных видах дискурса: письменном [5], устном [6], электронном [7; 8]. Апофеозом неопределенности в понимании текстовой природы афоризма можно считать его отождествление с любым семиотическим текстом, в том числе с невербальным (?!), например, с произведением живописи, как это делают авторы статьи «Натюрморт как визуальный афоризм» (2010) в одном из серьезных научных журналов [9].

Исследования языковой природы и разновидностей афоризма как текста преимущественно ограничивается одним из возможных его пониманий или как «литературного жанра» [10], или как «речевого жанра» [11], или как «целостного текста» [12], или как «интертекста» [13] и др. В свою очередь, единичные попытки синтезировать все возможные понимания афоризма как типа текста приводят либо к абсолютизации одного из его дифференциальных признаков, например, идиоматичности [14], либо к вынужденной квалификации его в качестве гетерогенного объекта, при описании которого необходимо строго дифференцировать каждую его ипостась, признавая, например, «триединую сущность афоризма», рассматриваемого и как «жанр», и как «малоформатный текст», и как «универсальное высказывание» [15. С. 123].

Цель исследования — определить характер соотношения афоризма и малых текстовых форм, функционирующих в существующих видах дискурса (устном, письменном, электронном).

Материалом для исследования послужили афористические единицы как отдельные тексты и как структурные элементы неафористических текстов — всего около 100 000 афоризмов из более чем 300 справочных, литературных и иных источников на русском языке, в переводе на русский язык с различных языков мира, а также на основных европейских языках и языках коренных народов России. Материал исследования уже использовался ранее при описании аспектов эмпирического понимания афоризма [2], его основных признаков [16], а также структурных особенностей [17] и функций [18].

Методы исследования — эвристический, описательный, лингвистический анализ текста, структурно-семантическое моделирование, дискурс-анализ.

Проблема языковой природы афоризма как самостоятельного текста и как текста в тексте рассматривалась в разное время в ряде наших предыдущих работ [19; 20. С. 81–91; 21], что позволило не только сформировать и апроби-

ровать концепцию данного исследования, но и диагностировать его основные задачи, а также сформулировать ряд наиболее актуальных проблем, решение которых предлагается далее.

О понятиях «малая текстовая форма» и «афоризм»

К малым текстовым формам относятся малые жанры художественной литературы, малые фольклорные жанры, широкий ряд минимальных текстов самых разных речевых жанров в рамках как различных функциональных стилей литературного языка, так и живой разговорной речи и видов электронной коммуникации.

Понятие малой текстовой формы является в известной степени условным, поскольку основано, с одной стороны, прежде всего на линейном объеме текста, а с другой — на его жанровых свойствах (форме, содержании, языковых и/или стилистических особенностях). Однако можно выделить ряд общих свойств у всех текстов малой формы: содержательная гомогенность (сообщение об одном факте, одном событии, одном явлении и т.д.), крайняя степень компрессии сообщения (которое передается максимально кратко, сжато, лаконично за счет нарочитого умолчания, пропуска второстепенной информации, использования прономинальных средств, синтаксической неполноты, эллипсиса и др.), стандартная форма (однообразная, часто клишированная структура сообщения, ограниченный, нередко заданный набор языковых и стилистических средств).

Линейный размер малых текстовых форм не имеет на сегодняшний день общепринятого определения. Так, минимальный текст может состоять всего из одного слова, исходя из чего М.Н. Эпштейн выделяет «слово как произведение» и признает существование в литературе «однословного жанра» [22], а может, по мнению М.Л. Пратт, содержать от нескольких до 1500 слов, если речь идет о максимальной длине сверхкраткого рассказа как литературного жанра (*short short story* или *flash fiction*) [23]. По своему графическому (полиграфическому) формату линейный размер минимальных текстов не может превышать одной рукописной (печатной) страницы [24], а в рамках электронной коммуникации графический размер минимального текста сжался до размеров экрана монитора или гаджета, когда при чтении текста не требуется вертикальная прокрутка [25]. Столь разительные отличия в понимании линейного объема минимального текста отразились и на содержательной неопределенности его новейших терминологических обозначений как «сверхкраткие тексты», «микротексты», «малоформатные тексты» и т.п. [1. С. 50], которые трудно признать более удачными, чем традиционные составные термины «минимальный текст» и «малая текстовая форма».

Различные подходы к пониманию линейного размера минимального текста, в свою очередь, не позволяют исследователям однозначно определить его

жанровое разнообразие. Наиболее рациональный и конструктивный подход в данном случае принадлежит Э.М. Береговской, которая предложила ограничить минимальный текст линейными размерами одной фразы и на этом основании выделила 70 типов (жанровых разновидностей) так называемых «однофразовых текстов» [26. С. 23–24]. В качестве одного из их типов был определен также и афоризм, что еще более усложнило (теперь уже в количественном аспекте на фоне многочисленных тождественных по синтаксической форме минимальных текстов) его и без того весьма противоречивое понимание как специфического объекта в кругу изоморфных текстовых форм.

Одной из проблем лингвистического определения понятия «афоризм», как отмечал еще в начале 1980-х гг. А.Я. Михневич, всегда было «отграничение собственно афоризмов от других малых форм — пословиц и поговорок, пересказов и сравнений, анекдотов и притч, иносказательных диалогов и тостов, зачинов и концовок, обращений и пожеланий и т.д.» [27. С. 61]. Сложность решения этой проблемы заключается в том, что афоризм весьма часто рассматривается в отрыве от тех признаков, которые его дифференцируют как специфический объект, а свойство афористичности нередко понимается чрезвычайно широко и неопределенно, причем не только в отношении к самому афоризму (?!): «афористичность как определенное качество или совокупность качеств выразительности свойственна не только афоризмам, но и другим малым жанрам» [27. С. 62].

Такой подход, когда свойство «афористичности» объединяет, а не разграничивает афоризмы и другие малые текстовые формы, объясняется, на наш взгляд, пониманием данного свойства как вторичного, не определяющего (т.е. не уникального для афоризмов), что делает бессмысленным само по себе его выделение и определение (как в теоретическом, так и в металингвистическом аспектах). Вместе с тем вполне логично полагать, что свойство афористичности является определяющим (уникальным, конститутивным) только для афоризма (как свойство лексичности для лексем, фразеологичности для фразеологизмов, паремичности для паремий и т.п.). Именно на основании того, что афоризм обладает свойством (качеством) афористичности как совокупности некоторых дифференциальных признаков, его следует квалифицировать и описывать как специфический продукт речемыслительной деятельности и отграничивать от иных явлений языка и речи, литературы и фольклора, медиа- и электронной коммуникации.

«Выделение лингвистически релевантных признаков афоризма позволило определить его в терминах лингвистики как однофразовую, номинативную, дискурсивно автономную, преимущественно сверхсловную, воспроизводимую, устойчивую единицу, которая отличается от всех иных сверхсловных единиц (фразовых текстов и устойчивых фраз) одним специфическим признаком — обобщенностью значения (универсальным обобщением действительности). Этот признак характеризует афоризмы как разновидность

лингвистических единиц (фразовых текстов или устойчивых фраз), детерминирует такие их облигаторные свойства, как дискурсивная автономность и номинативность, манифестирует собственно лингвистическое качество их плана содержания — афористичность» [16. С. 700]. В зависимости от продуктивности проявления факультативных признаков — сверхсловности, идиоматичности, текстовой формы, устойчивости, воспроизводимости афоризмы дифференцируются на ряд разновидностей и по-разному соотносятся с иными единицами языка и речи [20. С. 93–126; 28. С. 41–83]. В этом смысле афоризмы следует рассматривать как самостоятельную группу (тип) фразовых единиц, которые имеют отдельные общие свойства с другими сверхсловными единицами, а также фразовыми и сверхфразовыми текстами, но существенно отличаются от них комплексом трех облигаторных признаков — однофразовостью, обобщенностью (универсальностью) значения, дискурсивной автономностью, которые в совокупности составляют собственно лингвистическую специфику афоризма.

Афоризмы соотносятся разными исследователями с разнообразными малыми текстовыми формами, среди которых можно выделить шесть основных групп минимальных текстов, неравновесных по качественным и количественным параметрам: 1) паремии (половицы, народные приметы и суеверия, изречения «здравого смысла» и др.); 2) литературные изречения (сентенции, максимы, грегории, парадоксы и др., а также крылатые цитаты); 3) художественные произведения-миниатюры (эпиграммы, басни, стихотворные миниатюрные формы, сверхкраткие эссе и др.); 4) однофразовые тексты (слоганы, призывы, девизы и др.); 5) классические разновидности изречений (гномы, апофегмы, хрии и др.); 6) национальные разновидности малых текстов (фрашки, рубаи, хайку и др.). Афоризмы в рамках разных классификационных схем либо полностью отождествляются с теми или иными видами минимальных текстов, либо противопоставляются им, либо вступают с ними в родовидовые отношения по основанию различных структурных, смысловых, функциональных критериев.

При этом на определение общего и различного у афоризмов и малых текстовых форм оказывают заметное влияние национальные традиции, которые формировались в разное время под влиянием преимущественно случайных (экстралингвистических) факторов. Так, в русской филологической традиции сложилось представление о градуальных отношениях между афоризмами и малыми жанрами литературы на основании различных критериев, что не позволяет однозначно отграничить афоризм от других малых текстовых форм [29. С. 34–63]. В белорусской — афоризмы противопоставляются «пословицам и поговоркам» [30. С. 60–61] и определяются как одна из разновидностей жанра «изречений» наряду с «сентенцией», «максимой», «апофегмой» [30. С. 115–116]. В английской филологической традиции к произведениям афористического жанра часто причисляют «эпиграммы», «басни» и даже

«эссе» [31. С. 161], в немецкой — афоризмы понимаются как отдельный «новый» литературный жанр, который противопоставляются традиционному литературному жанру «изречений» [31. С. 167–174], в польской — афоризмы рассматриваются как самостоятельный малый жанр в ряду «литературных изречений» («сентенций», «максим», «золотых мыслей» и др.) [21. С. 126].

Афоризмы в классификациях малых текстовых форм

В своей классической интерпретации характер отношения афоризма к малым текстовым формам в основном сформировался в рамках их наиболее общих систематизаций, которые отражают наиболее типичные противоречия в понимании афоризма как разновидности минимального текста.

Так, согласно широко известной классификации М.Л. Гаспарова [32. С. 43] все афоризмы с точки зрения отсутствия vs. наличия у них автора делятся на два типа: «фольклорные» (пословицы и поговорки) и «литературные». Первым свойственна принципиальная невозможность определения их автора как той или иной конкретной личности. Второй тип характеризуется наличием реального или потенциального (resp. предполагаемого) автора, что является, в свою очередь, основанием для последующей дифференциации «литературных афоризмов» еще на три типа: гномы (сентенции), апофегмы и хрии. «Гномы», или «сентенции», могут как иметь, так и не иметь реального автора, «занимают промежуточное положение между безымянной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом», напр.: *Никто не обнимет необъятного* [32. С. 43]. «Апофегмы» («апофтегмы») могут как принадлежать, так и приписываться реальному автору, однако, как правило, «вложены в уста конкретного лица» [33. С. 559] преимущественно из числа широко известных реальных или легендарных особ, напр.: *Мудрец Картезий сказал: «Никто не обнимет необъятного»* [32. С. 43]. «Хрии» — «афоризмы определенного лица в определенных обстоятельствах» [32. С. 43], которые оформлены как рассказ-миниатюра о некоем событии, которое послужило поводом для остроумного или поучительного высказывания известного автора, напр.: *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом отвечивал: «Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!»* [33. С. 559].

В рамках не менее известной классификации М.Н. Эпштейна внутри афористики как жанра словесного творчества выделяется четыре типа единиц: сентенции, максимы, гномы и хрии. «Сентенции» представляют собой изречения декларативного содержания, в которых выражается «теоретический» результат обобщения действительности, напр.: *Статую украшает вид, а человека украшают его поступки (Пифагор)*. «Максимы» — изречения директивного содержания как результат «эмпирического» обобщения действительности, обычно, в форме наставления, напр.: *Чего не следует делать, того не делай даже в мыслях (Этикет)*. «Гномы» —

это изречения поучительного содержания, в которых действительность обобщается, как правило, в стихотворной форме и анонимно, но иногда от имени своего автора, напр.: *Вот Фокилида слова: что за польза от знатного рода // Тем, у кого ни в словах обаяния нет, ни в совете? (Фокилид).* «Хрии» представляют собой такие изречения, в которых обобщение действительности не может быть отделено от той жизненной ситуации, которая его «спровоцировала», напр.: *Когда он [Диоген] грелся на солнце в Крании, Александр [Македонский], остановившись над ним, сказал: «Проси у меня, чего хочешь»; Диоген отвечал: «Не заслоняй мне солнца»* [32. С. 43–44]. Афоризм противопоставляется пословице на основании того, его «смысл является более отвлеченно-нравственным, чем житейски-практическим, и чужд конкретно-вещественной образности» [32. С. 43].

Уже при беглом взгляде на обе классификации можно смело утверждать, что существующие взгляды на соотношение афоризма и иных малых текстовых форм основаны преимущественно на традиции, а вовсе не на объективных критериях, которые хоть и выдвигаются исследователями, но не всегда ими же самими используются. В зависимости от того, какая именно традиция берется за основу для определения места афоризма в кругу малых жанров литературы или фольклора, и выстраиваются его взаимоотношения с ними. Иначе весьма трудно объяснить столь очевидные теоретические и метаязыковые расхождения в классификации афоризмов у М.Л. Гаспарова и М.Н. Эпштейна в рамках одной отрасли знания с использованием одних и тех же терминов.

Так, у М.Н. Эпштейна отсутствует такая разновидность афоризма, как «пословица». В свою очередь, у М.Л. Гаспарова не нашлось места для такой разновидности литературных афоризмов, как «максимы» (за исключением глухого упоминания термина только в отношении «афоризмов нравственного содержания», которые «называются также максимами» [32. С. 43]), хотя в отдельной статье максима определяется им же именно как «вид афоризма» (?) [31. С. 206]. Вместе с тем «апофегмы» и «пословицы», которые М.Л. Гаспаров квалифицирует как виды афоризма, в посвященных им отдельных статьях уже не определяются как «афоризмы» (?) [32. С. 32, 291]. Симптоматично, что в другом исследовании при разграничении «античных» изречений М.Л. Гаспаров вообще не употребляет термин «афоризм», а «гному», «апофегму» и «хрию» квалифицирует как разновидности «сентенции» (?) [33. С. 559].

Признаки некоторых разновидностей афоризма выделяются *ad hoc*, поэтому объективно не могут рассматриваться как дифференцирующие. Так, «максима» квалифицируется М.Л. Гаспаровым одновременно и как «афоризм морального содержания», и как «моралистическая по содержанию разновидность сентенции», что неизбежно приводит к нейтрализации установленных самим исследователем родовидовых отношений между

«афоризмом» и «сентенцией», хотя в отдельной статье сентенция определяется им же именно как «вид афоризма» [32. С. 375].

Показательным примером противоречивого подхода в определении вида афоризма является «сентенция», которую М.Л. Гаспаров квалифицирует и как «афоризм без авторского имени» [32. С. 43], и как нечто «промежуточное между безымянной народной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом», при этом сентенция «при усилении философского содержания сближается с гномой, дидактического — с максимой, а будучи вписана в конкретную ситуацию, становится апофегмой или хрией» [32. С. 375]. Вместе с тем все это не принимается во внимание и, соответственно, не указывается в его же определениях «гномы» [32. С. 78], «максимы» [32. С. 206], «хрии» [32. С. 487]. Однако в таком случае «сентенция» одновременно (!) то выступает в качестве разновидности «литературного афоризма», то замещает его (при определенных условиях, «будучи вписана в конкретную ситуацию, становится апофегмой или хрией»), то противопоставляется сама себе по отношению к другим видам литературных афоризмов (полностью отождествляется с «гномой» или при определенных условиях «сближается» с ней), то определяется как «афоризм без имени автора», то квалифицируется как нечто среднее «между безымянной фольклорной пословицей и индивидуализированным авторским афоризмом»). Весьма трудно однозначно понять, как именно при всех указанных условиях и факторах соотносятся между собой «афоризм» и такие малые текстовые формы, как «сентенция», «максима», «гнома», «апофегма», «хрия».

Наиболее очевидным недостатком обеих классификаций можно считать неоправданное расширение объема афоризма как текста за счет причисления к афоризмам текстов более сложных по своей содержательной, структурной и композиционной организации.

Так, весьма трудно согласиться с М.Л. Гаспаровым и М.Н. Эпштейном в их квалификации хрии как разновидности литературного афоризма, поскольку по своему содержанию и структуре она представляет собой нарративный текст [34. С. 98], где повествуется о каком-либо знаменательном событии в жизни мудреца или героя, который высказывает свою оценку происходящего в форме реплики-изречения. Показательно при этом, что подавляющее большинство таких реплик в тексте хрии не имеет обобщенного содержания, т.е. не является афоризмами в строгом смысле. Например, в широко известном еще с античных времен сборнике Плутарха «Изречения царей и полководцев» (начало II в. н.э.) из 392 текстов, которые можно квалифицировать как хрии, обобщенные (афористические) реплики-изречения встречаются только в 73 случаях (менее 19%). Чаще всего такие реплики-изречения употребляются в тексте хрии в контекстно-зависимой позиции (в форме косвенной речи и/или в структурно не обособленном виде), напр.: *Страдавшему от того, что умирает на чужбине, он [Анаксагор] сказал ему: «Спуск в Аид отовсюду*

одинаков» (Диоген Лаэртский, «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», II, 11); *Другой раз его снова спросили об укреплениях города, и Ликург ответил, что нельзя считать город неукрепленным, если его оборона зиждется на мужах, а не на кирпичах* (Плутарх, «Изречения спартанцев», 53, 28) и т.п. Такого рода изречения в составе хрии можно квалифицировать как «вводные афоризмы» (согласно терминологии Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольской), которые являются частью текстов больших по форме литературных и фольклорных жанров [31. С. 86]. Симптоматично, что «вводный» характер реплики-афоризма в тексте хрии более чем очевиден и в иллюстративных примерах М.Л. Гаспарова к выделяемым им разновидностям афоризма (см. выше), отношения между которыми нельзя рассматривать как произвольную зависимость, они строятся по принципу иерархии, поскольку «гнома» входит («вводится») в «хрию», ср.: *Никто не обнимет необъятного* («гнома», или «сентенция»). *Мудрец Картезий, спрошенный прохожим, сколько звезд на небе, с пылом ответил: “Мерзавец! Никто не обнимет необъятного!”* («хрия»). Это означает, что «гномы» (или «сентенции») могут вводиться в «хрию» и, соответственно, из нее извлекаться. На этом основании хрию нельзя квалифицировать как разновидность афоризма, ее следует относить к большему по объему малому тексту, близкому к басне в литературе и анекдоту в фольклоре.

То же самое можно сказать и о выделении М.Л. Гаспаровым такого вида афоризма, как «апофегма», которая структурно представляет собой сочетание изречения с указанием на его автора (либо источник) и/или на характер того знания, на основании которого формулируется данное умозаключение. При этом отношение строгой иерархии (существующие между «гномой» и «хрией») также действует и между «гномой» («сентенцией») и «апофегмой», ср.: *Никто не обнимет необъятного* («гнома», или «сентенция»). *Мудрец Картезий сказал: “Никто не обнимет необъятного”* («апофегма»). На наш взгляд, «апофегма» (в понимании М.Л. Гаспарова) близка такой малой текстовой форме (большей по объему, чем афоризм), как «веллеризм» (англ. *wellerism*), имеющей структурную модель «Нечто сказал некто, когда он делал что-то» [20. С. 85 — 86] и часто включающей в себя устойчивые выражения и афоризмы, напр.: *«Много визгу и мало шерсти», — сказал черт, когда стриг свинью; «Хочешь жить, умей вертеться», — приговаривал Бог, создавая Землю; англ. «Everyone to his own taste», the old woman said when she kissed her cow; бел. «Усялякая справа памрабуе іскры божаі», — сказаў Герастрат, падпальваючы храм Артэміды* и т.п. При этом трехчастная структурная модель веллеризма не является обязательной, он может иметь и две части «Нечто сказал некто», что делает возможным переход некоторых веллеризмов в разряд пословиц, напр.: *Ной: «Спасайся, кто может»; «Хуже не будет», — сказал оптимист; Увидим, — сказал слепой, услышим, — поправил глухой* (пословица); польск. *Powiedziały krety: “Ludzie*

sq ciemni, potrzebne im światło” (S.E. Lec); бел. *Пабачым, сказаў сляпы, як бязногі паскача* (пословица) и т.п.

Как можно видеть, соотношение афоризма, с одной стороны, и хрии, апофегмы, веллеризма, с другой, тождественно соотношению афоризма и таких сверхфразовых малых текстовых форм, как анекдот, басня, притча, сверхкраткое эссе, поэтические произведения-миниатюры (лирические, комические и др.). Афоризмы употребляются в таких текстах (как и в любых других небольших по объему произведениях — стихотворениях, рассказах и т.д.), поэтому не могут с ними отождествляться даже в тех случаях, когда выступают их главными (ключевыми) содержательными и/или структурными компонентами. Афоризм в сверхфразовых малых текстовых формах всегда занимает акцентированную (центральную) позицию вне зависимости от своего расположения в контексте, напр.: «поэтическая миниатюра» — *Молчи, прошу, не смей меня будить. // О, в этот век преступный и постыдный // Не жить, не чувствовать — удел завидный... // Отраднo спать, отрадней камнем быть* (Ф.И. Тютчев, «Из Микеланджело»); «сверхкраткое эссе» — бел. *“Пісаць для вечнасці” — гэта не з думкай пра вечнасць твайго слова, а з належнай настройкай на тое, што на-сапраўднаму жывое і застаецца жьжыццём* (Я. Брыль, «З людзьмі і сам-насам»); «веллеризм» — польск. *I ja tam chwile filozoficznej zadumy. Staję sobie na moście nad Wisłą, od czasu do czasu spluwam na fale i myślę przy tym: «Panta rei»* (S.E. Lec, «Myśli nieuczesane») и т.п.

Текстовая форма афоризма квалифицируется как один из его собственно лингвистических признаков [16. С. 683 — 689], поэтому разграничение афоризма как отдельного текста и как части (компонента) иного текста, пусть даже самого малого, имеет в данном случае принципиальное значение. Свойство афоризма порождаться и функционировать в разных видах дискурса в качестве отдельного текста обусловлено еще одним его признаком — дискурсивной автономностью [16. С. 681 — 683], которая присуща всем без исключения афоризмам (как текстам, так и элементам других текстов).

Следует отметить, что употребление афоризма в художественных или фольклорных текстах не лишает его дискурсивной автономности даже в тех случаях, когда афоризм используется в тексте в структурно неоформленном или в трансформированном виде [35]. Традиция такого использования афоризма в тексте восходит еще к античности, а в европейской литературе распространилась во времена У. Шекспира, в большинстве произведений которого, особенно в сонетах, содержится значительное количество афоризмов в видоизмененной в контексте форме, напр.: *This thought is as a death which cannot choose but weep to have that which it fears to lose* (Sonnet 64) — *Death cannot choose* (the aphorism); *...despite thy wrong, my love shall in my verse ever live young* (Sonnet 19) — *Love shall in verse ever live young* (the aphorism); *Your name from hence immortal life shall have, though I...* (Sonnet 81) — *Name immortal life shall have* (the aphorism); *Not marble, nor the gilded monuments*

shall outlive this powerful rhyme; but you shall shine... (Sonnet 55) — *Not marble, nor the gilded monuments shall outlive powerful rhyme* (the aphorism); *To me, fair friend, you never can be old...* (Sonnet 104) — *A fair friend can never be old* (the aphorism); *...sunset fadeth in the west, which by and by black night doth take away, death's second self, that seals up all in rest* (Sonnet 73) — *Death seals up all in rest* (the aphorism); *My spirit is thine, the better part of me...* (Sonnet 74) — *Spirit is the better part* (the aphorism); *Poor soul, the centre of my sinful earth...* (Sonnet 146) — *Soul is the centre of sinful earth* (the aphorism); *...you pace forth; your praise shall still find room even in the eyes of all posterity that wear this world...* (Sonnet 55) — *Praise shall still find room in the eyes of posterity* (the aphorism) и т.д. [36].

Афоризмы, которые были порождены как структурно-содержательные компоненты различных текстов, в том числе и минимальных, как правило, не составляет большого труда выделить в виде отдельных текстов, что широко используется при составлении многочисленных афористических справочников. Симптоматичным в этой связи является тот факт, что подавляющее большинство словарей и сборников афоризмов более чем на 90% состоят именно из единиц, извлеченных из литературных текстов разных жанров [37 — 39].

Афоризм и основные классы малых текстовых форм

Наибольшую теоретическую и прикладную значимость имеет характер соотношения афоризма и четырех основных классов малых текстовых форм, в число которых входят литературные изречения, однофразовые тексты, паремии, а также национальные разновидности минимальных текстов.

Афоризмы и литературные изречения

Исследование показало, что афоризмы могут употребляться не только в заметно больших, чем он по линейным размерам малых текстовых формах, но и в таких минимальных текстах, как «литературные изречения», синтаксическая форма которых варьируются от одной фразы до нескольких фраз, объединенных выражением одной сложной мысли, напр.: *В основании всех человеческих добродетелей лежит глубокий эгоизм. И чем добродетельнее дело — тем более тут эгоизма. Люби самого себя — вот одно правило, которое я признаю. Жизнь — коммерческая сделка...* (Ф.М. Достоевский) [37], где употребляется целых три афоризма (выделены полужирным шрифтом), из которых два первых по порядку содержательно связаны между собой, а третий соотносится с ними только в контексте данного литературного изречения, вне которого воспринимается как самостоятельное обобщение. Несмотря на это жанр «литературные изречения» необоснованно

отождествляется с афоризмами. Такое отождествление не имеет объективных оснований, поскольку фактическая возможность и фиксируемая регулярность включения одного текста в другой текст является достаточным условием для их разграничения как тестовых форм разного типа.

Есть и еще один критерий дифференциации литературных изречений и афоризмов как минимальных текстов разных типов — это, соответственно, отсутствие vs. наличие универсальной обобщенности содержания. Именно это свойство детерминирует как невозможность использования литературного изречения в качестве компонента афоризма, так и возможность использования афоризма в качестве структурной части литературного изречения, что является обычным и весьма распространенным в различных языках и национальных литературах, напр.: *Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный делается притеснителем и платит сторицею — и тогда горе побежденным* (М.Ю. Лермонтов, «Вадим»); англ. *Hang sorrow! Care will kill a cat, // And therefore let's be merry* (G. Wither, «Verses for Christmas»); *І зямля — у жыцця, і ў жыцця — людзі. Дык адкуль адхіленне ўзялося, нібы свае свайго не пазнала і разышлося бязрадасна? (А. Разанаў, «Паэма сланечніка»); польск. *Nie zabijaj — rzekł — gdy masz się kim wyręczyć — dodał* (S.E. Lec, «Myśli nieuczesane») и т.п.*

Литературные изречения, которые не имеют обобщенно-универсального содержания, довольно часто включаются в различные сборники афоризмов, однако не могут рассматриваться как афористические, поскольку отражают частные, конкретные ситуации, содержат фактологическую информацию, не претендуют на типичность, используются в речи не в качестве элемента рассуждения, а для образной характеристики кого- или чего-либо в структуре описания или повествования, напр.: *Нельзя ли для прогулок // Подальше выбрать закоулков* (А.С. Грибоедов); англ. *Hell is empty and all the devils are here* (W. Shakespeare); польск. *Jestem człowiekiem i nic, co ludzkie, nie jest mi obce* (Terencjusz); бел. *Была вясна, было імкненне, // І сэрца ведала тамленне* (Я. Колас, «Новая зямля») и т.д.

Как видим, литературные изречения и афоризмы — это два весьма близких, но разных типа малых текстовых форм, отношения между которыми можно квалифицировать как «взаимное пересечение», т.е. все без исключения «литературные афоризмы» как класс афоризмов включаются в объем понятия «литературное изречение», но не все литературные изречения являются по своей семантике афоризмами. В свою очередь, отношения между афоризмом и такими видами литературных изречений, как «сентенция», «максима», «грегерия», «парадокс» могут либо быть родовидовыми, если они имеют обобщенно-универсальное содержание, либо носить метаязыковой характер, если такого содержания у них нет (сентенции, максимы, грегерии, парадоксы, в которых действительность не обобщается, нет никаких иных оснований

называть афоризмами). Метаязыковые отношения возникают в случае использования понятий и терминов «сентенция», «максима», «грегерия», «парадокс» для обозначения семантических или иных видов афоризма [20. С. 115 — 126].

Аналогичные отношения имеют место между афоризмами и теми из литературных изречений, которые приобрели широкую известность, массовую воспроизводимость в речи и перешли в разряд «крылатых слов» (или «крылатых цитат»). Крылатые слова и цитаты в современной коммуникации, особенно в электронном дискурсе, все чаще употребляются в виде самостоятельных текстов, широко используются в качестве интертекстуальных и метатекстовых элементов [40; 41]. Пародийные и шуточные трансформации крылатых слов и цитат как отдельных текстов стали в последнее время массовым явлением и породили (по аналогии с известными «антипословицами») новый тип малой текстовой формы — «антицитаты» [20. С. 42 — 45], которые в некоторых национальных литературах и лингвокультурах развились в самостоятельный речевой жанр (например, в белорусской [42; 43]).

Афоризмы и однофразовые тексты

Неоднозначным в современной лингвистике остается квалификация отношения афоризма к такой гетерогенной группе малых текстовых форм, как «однофразовые (или фразовые) тексты», которые состоят всего из одной фразы (формально из одного простого или сложного предложения безотносительно количества входящих в них слов), однако при этом имеют самое разнообразное содержание, многочисленные жанровые формы и широко функционируют в различных сферах коммуникации во всех существующих видах дискурса (в устном, письменном и электронном).

Однофразовые тексты являются специфическим типом как минимального текста, так и текста вообще, поскольку они имеют сверхкраткую синтаксическую форму, в них нет границы между отдельным предложением и целым текстом. Отсутствие такой границы делает, в свою очередь, весьма условной границу между письменной и устной речью, благодаря чему порожденные в письменной речи однофразовые тексты быстро проникают в устную речь, где приобретают широкое распространение как устойчивые фразы, а массово воспроизводимые в устной речи устойчивые фразы легко фиксируются на письме и обретают в письменной речи текстовую форму (как текст либо как интертекст), становятся фразами-текстами.

Происхождение однофразовых текстов восходит к глубокой древности — это и древнейшие монументальные надписи, и изречения старых мудрецов (Древней Греции, Древнего Китая и др.), и классические эпиграммы (ритуальные и иные надписи на предметах), и эпитафии, и паремии (пословицы, хозяйственные изречения, устойчивые юридические формулы,

календарные и суеверные приметы и др.). Данные и многие другие типы минимальных текстов (девизы, рекламные слоганы, моностихи, надписи под рисунком и т.д.) могут иметь только однофразовую форму и на этом основании образуют множество гомогенных единиц, что позволяет выделить их в самостоятельный объект языкознания.

В фундаментальной работе Э.М. Береговской «Стилистика однофразового текста» (2015) афоризм рассматривается в качестве одного из основных видов однофразовых текстов (наряду с поговоркой, лозунгом, девизом, сентенцией и др.). Вместе с тем в работе не дается ни собственных определений, ни отсылок к существующим дефинициям понятий «афоризм» и «афористичность», хотя однофразовому тексту приписываются качества, присущие также и афоризму, например, «монофрастичность» («первый и главный признак», который «отличает однофразовый текст от любого другого»), «преобладание автосемантии», «тенденция к клишированию», «способность к разнообразным трансформациям» и др. [26. С. 309 — 311]. В связи с этим возникают проблемы соотношения, во-первых, понятий афоризма и однофразового текста, а во-вторых, соответственно, афористичности и монофрастичности. Решение этих проблем является значимым как для таксономии малых текстовых форм, так и для лингвистической теории афоризма как текста.

Так, вопреки Э.М. Береговской афоризм нецелесообразно в рамках языкознания, во-первых, квалифицировать как некий «канонический текст» (в понимании исследователя, как текст, имеющий некую каноническую форму, данную изначально, а потому не требующий специального определения), а во-вторых, рассматривать как специфический в кругу однофразовых текстов [26. С. 22]. Афоризм как лингвистический объект по своим характеристикам является сложным (может образовывать с другими лингвистическими объектами более одного множества), однако обладает собственными признаками (понимаемыми лингвистами по-разному, но всегда определяемыми), главным из которых является признак афористичности (также понимаемый весьма по-разному, но всегда выделяемый) [16]. Если обратиться к традиционному (зафиксированному в толковых словарях и энциклопедических справочниках) пониманию термина «афористичности» как краткости, лаконичности и т.д. (что характеризует форму афоризма), то в этом случае понятия афористичности и монофрастичности полностью совпадают, так как в самом широком смысле афоризм определяется как краткая лаконичная фраза с синтаксической структурой предложения (соответственно, понятия афоризма и однофразового текста также оказываются тождественными). Такое тождество (когда каждый афоризм — это однофразовый текст, а каждый однофразовый текст — это афоризм) является парадоксальным, поскольку на самом деле понятия однофразового текста и афоризма находятся в отношениях гиперонимии (всякий афоризм является однофразовым текстом, но не всякий однофразовый текст является афоризмом). Указанный парадокс нейтрализуется, если обратиться к семантическому аспекту афористичности —

обобщенности содержания. В таком случае понятия афористичности и монофрастичности (равно как и понятия афоризма и однофразового текста) образуют непротиворечивую гиперонимическую пару, что соответствует действительности (каждый афоризм — это, несомненно, однофразовый текст, но только тот однофразовый текст является афоризмом, который имеет обобщенно-универсальное содержание).

На этом основании афоризм нельзя рассматривать в качестве типа однофразового текста, как это делает Э.М. Береговская [26. С. 23 — 24], поскольку качество афористичности в его семантическом аспекте (как отражение действительности в обобщенно-универсальном плане) может быть характерно для большинства из 70-ти известных дискурсивных и жанровых разновидностей текста, состоящего из одной фразы. Так, афоризмом (афористической фразой) может быть и «пословица», и «календарная примета», и «моностих», и «лирическая миниатюра», и «эпиграмма», и «девиз», и «рекламный слоган», и «плакатный текст», и «надпись под рисунком или фотографией», и «запись в альбоме», и «автограф на книге», и «граффити», и «тост», и «ходячая шутка», и «пародия», и «футбольная кричалка», и «крик уличного торговца», и «приписка к чужому тексту», и «надпись на памятнике, на значке, на майке, на часах, на спортивном кубке» и т.д., но только в том случае, если они имеют обобщенно-универсальное содержание (являются афористичными в семантическом плане).

Афоризмы и паремии

Исследование показало, что объем понятия «фольклорные афоризмы» ни качественно, ни количественно не соответствуют объему понятия «паремия», хотя в последнее время во многих национальных филологических традициях (в том числе при описании языка и фольклора коренных народов России) принято выделять «афористические жанры фольклора», подразумевая под ними именно однофразовые паремии (все без исключения пословицы, поговорки, присказки, прибаутки, а также во многих случаях весьма близкие им загадки, народные приметы и т.д.).

Из всех существующих однофразовых разновидностей паремий только пословицы характеризуются обобщенно-универсальным содержанием, поэтому фольклорные афоризмы обычно отождествляют с пословицами. Однако около 15% единиц, которые обычно включают в разряд пословиц, не имеют такого содержания (ничего не обобщают, а только характеризуют типичные ситуации, в которых действуют определенные лица в конкретных обстоятельствах). Такие единицы встречаются в современных словарях пословиц, попадая туда из паремиографических и иных справочников XIX века, когда разграничение пословиц (народных афоризмов) и поговорок (фразеологических выражений) было еще условным. Симптоматично при

этом, что не имеющие обобщенно-универсального значения единицы семантизируются и иллюстрируются в паремиологических словарях, как правило, по образцу фразеологизмов, а не пословиц (с обязательным указанием на субъекта, который характеризуется при помощи данной единицы в речи), напр.: *Вор у вора дубинку украл*. Мошенник мошенника перехитрил. — *А кто же, по-вашему, виноват? — А по-моему — оба виноваты...* *Вор у вора дубинку украл, вот и завели суд* (Д.Н. Мамин-Сибиряк, «В горах») [44. С. 73]; бел. *Ад бяды ўцёк, а ў гора трапіў*. Пра таго, хто з адной бяды трапіў у яшчэ большую. *Каб не выгналі яго, ён павінен сам штодня выганяць людзей на панскія палаткі, стаяць над імі груганом...* *Вось так, Яўхім, Міхайлаў сын, ад бяды ўцёк, а ў гора трапіў* (У. Ліпскі, «Невядомы») [21. С. 133].

Не имеющие обобщенно-универсального значения однофразовые паремии целесообразно рассматривать в терминах лингвистики не в качестве пословиц (или паремиологических единиц как класса афористических единиц), а в качестве фразеологических единиц и обозначать либо как непословичные «устойчивые фразы» (согласно широко распространенной терминологии), либо как разновидность «фразеологизмов со структурой предложения» [45. С. 69], либо как «речевые формулы» [45. С. 78 — 81], напр.: *Вместе тесно, а врозь скучно* (кому); англ. *Care killed a cat* ‘Забота убила кошку (чья)’; *Do as I say, not as I do* ‘Делай, как я скажу, а не как я делаю (кто кому)’; польск. *Handluje jak diabeł o dusze* (кто); ***Rozumu aż nadto, ale statku brakuje*** (у кого); бел. *Пашкадаваў воўк кабылу, пакінуў хвост ды грыву* (кто каму); *Развязаўся мех не на смех* (у каго) и т.п.

Разграничение пословиц (как разновидности афористических единиц) и фразеологизмов (как не афористических единиц) является принципиальным для их лингвистического описания, поскольку первые являются одной из малых текстовых форм (однофразовыми текстами) и обладают соответствующими признаками и функциональными свойствами, а вторые текстами не являются, хотя и могут при определенных условиях употребляться в функции того или иного минимального текста (девиза, надписи на предмете, рекламного слогана, плакатного текста и др.).

Особенную значимость такое разграничение приобретает при изучении пословиц в языках народов с архаичной или традиционной культурой, в том числе в языках коренных и/или малых народов России как в теоретическом плане, так и в прикладном аспекте (вопросов перевода, лексикографирования, обработки для электронных баз данных и др.). Пословицы таких народов часто имеют специфическую форму, детерминированную этнокультурным своеобразием их языка и фольклора.

Так, большинство тувинских пословиц имеет двухчастную структуру, основанную на параллелизме, при этом для одной части характерны природные образы, а для другой — социальные. Каждая часть такой тувинской пословицы представляет собой фразу (часто афористическую), имеющую само-

стоятельный смысл и вызывающую собственные ассоциации, когда «под воздействием пословичной образности в сознании носителей языка возникают две параллельные картинки-миниатюры, причем обобщенное значение пословица приобретает в результате объединения обоих образных представлений действительности» [46. С. 23], напр.: *Аксың-биле аал көжүрбе, // Дылың-биле дым ужурба* ‘Разговором (речами, на словах) аал не переселяй, Языком лиственницу не руби (не вали)’; *Кижги кижиден каралыг, // Киши киштен каралыг* ‘Человек человека чернее (злее), Соболь соболя чернее’ и т.п. Вместе с тем в тувинском языке функционирует заметное количество пословиц, имеющих только одну структурную часть и поэтому весьма близких фразеологическим единицам, не образующим отдельные тексты и имеющим совсем иную семантику и условия ее реализации в речи, что порождает проблему их соответствующей квалификации в каждом конкретном случае.

Как показывают новейшие исследования, от того насколько правильно будет определена и описана текстовая форма пословиц, зависит правильность их перевода на другие языки [46], лексикографической репрезентации [47], описания как минимальных текстов в аспекте их внутренней организации [48], а также сопоставления с пословицами других языков как в диахроническом плане [49], так и в рамках языковой типологии [50], что приобретает особую значимость при дифференциации в пословичных фондах конкретных языков общего с другими языками и национально специфического [51].

Афоризмы и национальные разновидности малых текстов

Отдельные национальные разновидности литературных текстов малых жанров («бейт» и «рубай» в литературах Ближнего и Среднего Востока, японские «хайку» и «танка», малайский «гуриндам», тагальская «танага», древнегреческая «гнома (в форме дистиха)», польская «фрашка» и др.) весьма часто имеют обобщенно-универсальное содержание и поэтому являются афористическими. Однако их нельзя выделить в общую гомогенную группу афоризмов в силу ограничения их в содержательном и/или структурном плане определенными свойствами, детерминирующими стандартность («твердость») данных малых текстовых форм.

Как известно, «рубай» — это всегда четырехстишия со сложной ритмикой на лирическую тему с философским размышлением; «хайку (хокку)» — строфа из трех строк без рифмовки с неизменным количеством слогов в каждой строке (5+7+5) и лиричным содержанием, не лишенным медитативности; «танка» — пятистрочная строфа, в которой 31 слог, имеющая глубоко интимно-лирическое и часто рефлексивного содержание, «корни которого — в человеческом сердце», по выражению древнего японского поэта Цураюки (IX — начало X века); «гнома» — это всегда дистих философско-

морализаторского содержания; «фрашка» — это в основном двух- или четырехстрочная строфа юмористического или пикантного содержания и др., напр.: «рубаи» — *Благородство и подвиг, отвага и страх — // Все с рожденья заложено в наших телах, // Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже — // Мы такие, какими нас создал аллах!* (О. Хайям, «Рубаи»); «хайку (хокку)» — *Благороден, кто // Не скажет в блеске молний: // «Вот она наша жизнь!»* (Мацуо Басё, из «Хокку»); «танка» — *Когда бы в жизни // Ни с кем мы не сходились, // Тогда бы, верно, // Мы ненависти к людям // Как и к себе, не знали* (Асатада, из «Танки»); «гнома» — *Старость желанна, пока ее нет, а придет, порицают, // Каждому лучше всего, что не настало еще* (Менекрат, «Старость»); «фрашка» — польск. *Wdowę żonę pojmujesz, jakoby też stary // Żupan lubo schodzone kupił szarawary, // Choćby nie wiem jak siłę wdowy chwalby miały, // Przecię z poczętej becзки trunek jest zwierzały* (fraszka «Wdowożeniowi») и т.д. [21. С. 135]

Этнолингвокультурная специфика национальных разновидностей малых текстов не ограничивает их использование как жанровых форм в различных национальных литературах, в том числе весьма далеких от оригинальных и не всегда широко развитых в плане жанрового разнообразия. Так, достаточно многие национальные разновидности малых текстов и «твердые» поэтические формы представлены в русской литературе, есть они и в белорусской литературе, напр.: «хайку (хокку)» — *Кто назвал Любовь? // Имя ей он мог бы дать // И другое: Смерть* (В. Брюсов, «Танки и хай-кай»); «танка» — бел. *Усе знікае // І следу нат не кіне, // Як шэры попел // Ад чорнага агнішча, // Развеены вятрыскам* (М. Багдановіч, з цыкла «Японскія песні») и др. Однако наибольший интерес они представляют в национальных литературах коренных и малых народов России, где в отличие от русской литературы нередко приобретают «местный» колорит, ассимилируют и трансформируются под влиянием традиционных у этих народов литературных и фольклорных жанровых форм. Так, в современной татарской поэзии получили широкое распространение и гномические дистихи, и рубаи, и танки, которые получили в ней «вторую жизнь» в творчестве многих поэтов. Дистихи «искони присущи татарской поэзии, в этом жанре продуктивно работал Адхат Синугыл-Куганаклы», а в творчестве М. Мирзы они, как и подобает классическим гномам, «требуют от читателя напряженной работы ума, напр.: *Весы поэзии, они точней иных, // Любую ценность можно взвешивать на них*» [52. С. 133]. У татар есть и «свои Омары Хайямы», например, «классические образцы восточной поэзии можно встретить у Радифа Гаташа, прекрасные образцы рубаи представлены в творчестве Т. Миннуллина, Д. Гарифуллина, Г. Мухамметшина» [52. С. 133]. Более чем показательны то, что «в татарской литературе возникла «татарская танка», являющаяся образцом медитативной лирики, возродившая жанр хикмета в новой форме миниатюры» [52. С. 134]. Своим возникновением «татарская

танка» обязана творчеству М. Мирзы, который усовершенствовал и широко использовал эту малую текстовую форму в своей книге пятистиший «Сын Адама», напр.: *Хвала и хворого поднимет, // хула же с ног собьет быка... // Таков от века сын Адама: // всегда готова ложка дегтя // с его сорваться языка...* [52. С. 134].

Как можно видеть, ни стандартная форма, ни заданный тип содержания национальных разновидностей литературных текстов малых жанров не является препятствием для выражения в них обобщенно-универсального взгляда на действительность, что делает их в этом случае афористическими. Соотношение афоризма и национальных разновидностей литературных текстов малых жанров можно определить как «взаимное пересечение» (по аналогии с отношением афоризма и литературного изречения), т.е. некоторые афоризмы создаются по образцу национальных разновидностей малых текстов, но афористическими (квалифицируемыми как афоризмы) являются только те из национальных разновидностей малых текстов, которые имеют обобщенно-универсальное содержание.

Следует отметить, что не все национальные разновидности малых текстов могут в силу своей специфики иметь обобщенно-универсальное содержание и, следовательно, вступать с афоризмами в те или иные парадигматические отношения (например, «лимерик», «триолет» и др.). С такими национальными разновидностями малых текстовых форм у афоризмов образуются только синтагматические отношения (афоризмы могут включаться в них в качестве структурных компонентов).

Заключение

Исследование показало, что понятие афоризма не следует отождествлять с представлением о какой-то своеобразной разновидности малых текстовых форм, будь то однофразовый текст, литературное изречение, паремия и т.д., поскольку такой признак афоризма, как текстовая форма, не является для него обязательным (значительное количество афоризмов образуется и массово воспроизводятся как речевые формулы или как единицы языка). Это означает, что у афоризма нет и не может быть какой-либо специфической текстовой формы, позволяющей выделить его как тип текста в кругу малых текстовых форм. В то же время афоризм благодаря таким своим обязательным признакам, как однофразовость и дискурсивная автономность, может порождаться и функционировать в качестве отдельного текста, который в разных видах дискурса (устном, письменном, электронном) может реализовываться в различных текстовых формах. С афоризмами не вступают в парадигматические отношения такие малые текстовые формы, которые имеют сверхфразовый объем и способны включать в себя афоризмы как структурные элементы.

Дифференциальным признаком афоризмов, на основании которых они противопоставляются как всем иным фразовым единицам языка / речи, так и всем иным малым текстовым формам, является обобщенно-универсальное содержание, которое манифестирует афористичность как уникальное свойство афоризма. Все однофразовые тексты, литературные изречения, паремии и иные малые текстовые формы могут быть либо афористичными (характеризоваться обобщенно-универсальным содержанием), либо не афористичными (не иметь обобщенно-универсального содержания). По отношению к афористичным однофразовым текстам, литературным изречениям, паремиям и т.д. понятие афоризма целесообразно квалифицировать как категориальное. В этом смысле афоризм может быть и однофразовым текстом, и литературным изречением, и паремией, и любой иной малой текстовой формой (если это не противоречит ее структурно-семантическим параметрам). По отношению ко всему корпусу однофразовых текстов, литературных изречений, паремий или иных малых текстовых форм устного, письменного или электронного дискурса понятие афоризма следует определять как классификационное в плане дифференциации их всех на «афоризмы» и «не афоризмы».

Библиографический список

1. Трунова Е.А. Малоформатный текст как объект лингвистического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 1. С. 49–53.
2. Иванов Е.Е. Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 10 (2). С. 381–401. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
3. Дмитриева О.А. Пословицы и афоризмы как лингвокультурные тексты. Саратов: Вузовское образование, 2015.
4. Королькова А.В. Афористика и жанры художественной литературы // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 51–60.
5. Иванова Ю.С. Слоган, пословица и афоризм // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 5. С. 130–133.
6. Харченко В.К. Сентенции в речевом жанре бытового разговора: сопряжение акустической и книжной культуры // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 68–75.
7. Зражевская Н.И. Коммуникация в интернете. Статусы как средство популяризации афоризмов в молодежной аудитории // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 67–69.
8. Степанов В.Н., Зарина Е.Н. Речевой жанр сентенции в социальных сетях: от изречения к мему // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 109–118.
9. Петренко В.Ф., Коротченко Е.А., Супрун А.П. Натюрморт как визуальный афоризм // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 7 (2). С. 26–44.
10. Мечковская Н.Б. Афористика: судьба жанра в семиотическом освещении // Wyraz i zdanie w językach słowiańskich: opis, konfrontacja, przekład / red. I. Łuczaków, J. Sokołowski. Wrocław: UwW, 2002. S. 183–189.
11. Туманова Е.О. Афоризм как речевой жанр: этапы становления и развития (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1/1(43). С. 175–179.

12. *Горячева Е.Д.* Афоризм как целостный текст: механизмы структурно-семантической организации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 129–138.
13. *Ваганова Е.Ю.* Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности (на материале немецкого языка). Калининград: Аксиос, 2010.
14. *Мечковская Н.Б.* Жанры афористики и градация высказываний по степени идиоматичности // Жанры речи. 2009. Вып. 6. С. 79–111.
15. *Наличникова И.А.* Афоризм как жанр, малоформатный текст и универсальное высказывание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4/3(58). С. 121–123.
16. *Иванов Е.Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 11 (4). С. 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
17. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
18. *Иванов Е.Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. № 20 (2). С. 167–185. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>
19. *Иванов Е.Е.* Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2 (24). С. 88–91.
20. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилёв: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016.
21. *Glukhanko L., Ivanov E.* Aphorisms and small text forms: comparability and generality (in Belarusian, Russian, Polish, English) // *Językoznawstwo*. 2021. № (1) 15. S. 123–146.
22. *Эпштейн М.Н.* Однословие как литературный жанр // *Континент*. 2000. № 104. С. 279–313.
23. *Pratt M.L.* The Short Story: the Long and the Short of It // *Poetics*. 1981. № 10 (2/3). P. 175–194.
24. *Панченко К.І.* Лінгвістичні особливості текстів малої форми // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія філологічна. 2013. № 38. С. 213–214.
25. *Плотникова А.А.* Объем текста лирической интернет-миниатюры как ключевой признак жанра // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 23–26.
26. *Береговская Э.М.* Стилистика однофразового текста (на материале русского, французского, английского и немецкого языков). М.: URSS: Ленанд, 2015.
27. *Міхневіч А.А.* Афарыстыка Якуба Коласа (да пастаноўкі праблемы) // Беларуская лінгвістыка. 1983. № 22. С. 59–65.
28. *Іваноў Я.Я.* Дыферэнцыяльныя прыметы афарызма. Магілёў: Брама, 2004.
29. *Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта: Наука, 2005.
30. *Беларуская мова: энцыклапедыя.* Мінск: БелЭн, 1994.
31. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М.: Наука, 1990.
32. *Литературный энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 1987.
33. *Гаспаров М.Л.* Примечания к «Изречениям царей и полководцев» Плутарха // Плутарх. Застольные беседы. Ленинград: Наука, 1990. С. 558–566.
34. *Москвин В.П.* Речевой жанр хрии: история изучения и типология // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 96–104.
35. *Ivanov E., Teslenko E.* Autonomous aphorisms (aphorism in the non-aphoristic text) // *West — East*. 2021. № 5 (1). P. 26–36.
36. *Глуханько Л.В.* Афористические единицы в сонетах Уильяма Шекспира // Філологічні студії. 2017. Вып. 16. С. 311–317.
37. *Королькова А.В., Ломов А.Г., Тихонов А.Н.* Словарь афоризмов русских писателей. 2-е изд. М.: Русский язык-Медиа, 2005.
38. *Гаўрош Н.В., Нямяковіч Н.М.* Афарыстычныя выслоўі беларускіх пісьменнікаў. Мінск: Вышэйшая школа, 2012.

39. Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku / под ред. Е.Е. Иванова. Могилёв: МГУ, 2005.
40. Ломакина О.В. Крылатые единицы в роли современного газетного заголовка: состав, тенденции употребления // Русский язык за рубежом. 2019. № 1 (272). С. 37–41.
41. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Крылатика в современном культурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 10 (2). С. 256–272.
42. Иванова С., Иваноў Я. Антыцытаты ў сучаснай беларускай мове // *Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2010. S. 174–183.
43. Иванова С.Ф., Иваноў Я.Я., Шпакоўская В.А. Парадыйныя, іранічныя і жартоўныя трансфармацыі крылатых выразаў (да складання слоўніка беларускіх антыпрыказак) // *Acta Germano-Slavica*. 2010. Т. 4. С. 52–61.
44. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.
45. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
46. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
47. Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Кузугет Ш.Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
48. Иванов Е.Е., Марфина Ж.В., Шкуран О.В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
49. Ivanov E., Petrushevskaja Ju. Etymology of English proverbs // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. № 8 (5). P. 864–872.
50. Бредис М.А., Иванов Е.Е. Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. № 11 (4). С. 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
51. Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 12 (4). С. 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
52. Хасанова Ф.Ф. Новый жанр в татарской литературе: «татарская танка» // Вопросы филологии. 2014. № 3–4(48). С. 131–135.

References

1. Trunova, E.A. (2010). Small text as an object of linguistic research. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 1, 49–53. (In Russ.).
2. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 381–401. (In Russ.). <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
3. Dmitrieva, O.A. (2015). *Proverbs and aphorisms as linguocultural texts*. Saratov: University education. (In Russ.).
4. Korolkova, A.V. (2012). Aphorism studies and fiction genres. *Izvestia of Smolensk State University*, 2(18), 51–60. (In Russ.).
5. Ivanova, Y.S. (2011). The slogan, the proverb and the aphorism. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5, 130–133. (In Russ.).

6. Kharchenko, V.K. (2015). Reasonings in speech genre of life-talk: combination of acusmatics and literary cultur. *Speech genres*, 1(11), 68–75. (In Russ.).
7. Zrazhevskaya, N.I. (2012). Internet communication. Statuses as a means of popularizing aphorisms in the youth audience. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity*, 2, 67–69. (In Russ.).
8. Stepanov, V.N. & Zarina, E.N. (2020). Maxim as a speech genre in social media: from saying to meme. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 1(20), 109–118. (In Russ.).
9. Petrenko, V.F., Korotchenko, E.A. & Suprun, A.P. (2010). Still life as a visual aphorism. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 7, 2, 26–44. (In Russ.).
10. Mechkovskaya, N.B. (2002). Aphoristics: the fate of the genre in semiotic coverage. *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich: opis, konfrontacja, przekład*. Wrocław: UwW. pp. 183–189. (In Russ.).
11. Tumanova, E.O. (2015). Aphorism as speech genre: stages of formation and development (by the material of the german language). *Philology. Theory & Practice*, 1/1(43), 175–179. (In Russ.).
12. Goryacheva, E.D. (2020). Aphorism as a holistic text: Mechanisms of Structural and Semantic Organization. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 3, 129–138. (In Russ.).
13. Vaganova, E.Yu. (2010). *Aphorism as a type of text in the aspect of intertextuality (on the material of the German language)*. Kaliningrad: Axios. (In Russ.).
14. Mechkovskaya, N.B. (2009). Genres of aphoristics and gradation of statements according to the degree of idiomaticity. *Speech genres*, 6, 79–111. (In Russ.).
15. Nalichnikova, I.A. (2016). Aphorism as a genre, compact text and universal statement. *Philology. Theory & Practice*, 4/3(58), 121–123. (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2020). Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 659–706. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706> (In Russ.).
17. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170> (In Russ.).
18. Ivanov, E.E. (2022). Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, 20(2), 167–185. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185> (In Russ.).
19. Ivanov, E.E. (2009). Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2(24), 88–91. (In Russ.).
20. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistic aphorism*. Mogilev: Mogilev University Press. (In Russ.).
21. Glukhanko, L. & Ivanov, E. (2021). Aphorisms and small text forms: comparability and generality (in Belarusian, Russian, Polish, English). *Linguistics*, (1) 15, 123–146.
22. Epshtein, M.N. (2000). One word as a literary genre. *Continent*, 104, 279–313. (In Russ.).
23. Pratt, M.L. (1981). The short story: the long and the short of it. *Poetics*, 10, 2/3, 175–194.
24. Panchenko, K.I. (2013). Linguistic features of short-form texts. *Scientific Notes of the National University "Ostroh Academy". Philological series*, 38, 213–214. (In Ukrainian).
25. Plotnikova, A.A. (2012). Text volume of lyrical internet miniature as the key genre indicator. *Tomsk State University Journal*, 354, 23–26. (In Russ.).
26. Beregovskaya, E.M. (2015). *Stylistics of a one-phrase text (based on Russian, French, English and German languages)*. Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.).
27. Mikhnevich, A.Ya. (1983). Yakub Kolas aphorisms's (before setting the problem). *Belarusian Linguistics*, 22, 59–65. (In Belarusian).
28. Ivanov, Ya.Ya. (2004). *Differential signs of aphorism*. Mogilev: Brama. (In Belarusian).
29. Korolkova, A.V. (2005). *Russian aphoristics*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
30. Belarusian language: encyclopedia (1994). Minsk: Belarusian Encyclopedia Publ. (In Belarusian).
31. Fedorenko, N.T. & Sokolskaya, L.I. (1990). *Aphoristic*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

32. Literary encyclopedic dictionary (1987). Moscow: Soviet Encyclopedia Publ. (In Russ.).
33. Gasparov, M.L. (1990). Notes to Plutarch's Sayings of Kings and Generals. *Plutarch. Table talks*. Leningrad: Nauka. pp. 558–566. (In Russ.).
34. Moskvina, V.P. (2015). The speech genre of chreia: historical background and typology. *Speech genres*, 2(12), 96–104. (In Russ.).
35. Ivanov, E. & Teslenko, E. (2021). Autonomous aphorisms (aphorism in the non-aphoristic text). *West — East*, 5, 1, 26–36.
36. Glukhanko, L.V. (2017). The Aphoristic units in the sonnets of William Shakespeare. *Philological Studies*, 16, 311–317. (In Russ.).
37. Korolkova, A.V., Lomov, A.G. & Tikhonov, A.N. (2005). *Dictionary of aphorisms of Russian writers*. Moscow: Russian Language-Media. (In Russ.).
38. Gaurosh, N.V. & Nyamkovich, N.M. (2012). *Aphorisms of Belarusian writers*. Minsk: Higher School Publ. (In Belarusian).
39. *Dictionary of aphorisms and quotations from Polish literature XVI — XX century* (2005). E.E. Ivanov (Ed.). Mogilev: Mogilev University Press. (In Polish).
40. Lomakina, O.V. (2019). Catchwords (winged words) in the role of a modern newspaper headline: composition, usage trends. *Russian Language Abroad*, 1, 37–41. (In Russ.).
41. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Winged words in a modern cultural context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 256–272. (In Russ.).
42. Ivanova, S. & Ivanou, Ya. (2010). Anti-Quotes in the Modern Belarusian. *Phraseologische Studien: Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Greifswald: E.M.A.-Universität. pp. 174–183. (In Belarusian).
43. Ivanova, S.F., Ivanou, Y.Ya. & Shpakouskaya, V.A. (2010). Parodic, ironic and humorous transformations of winged expressions (before the compilation of the dictionary of Belarusian anti-proverbs). *Acta Germano-Slavica*, 4, 52–61. (In Belarusian).
44. Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian proverbs and sayings*. Moscow: Russian Language Publ. (In Russ.).
45. Baranov, A.N. & Dobrovolsky, D.O. (2008). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znak. (In Russ.).
46. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2022). Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, 1, 17–36. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2> (In Russ.).
47. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Kuzhuget Sh.Yu. (2021). A lexicographical description of Tuvan proverbs: principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, 4, 143–160. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11> (In Russ.).
48. Ivanov, E.E., Marfina, Zh.V. & Shkuran, O.V. (2022). Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, 1, 47–68. <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4> (In Russ.).
49. Ivanov, E. & Petrushevskaya, Ju. (2015). Etymology of English proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8, 5, 864–872.
50. Bredis, M.A. & Ivanov, E.E. (2021). Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, 11(4), 607–615. <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615> (In Russ.).
51. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The national specificity of the proverbial fund: basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 993–1032. <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032> (In Russ.).
52. Khasanova, F.F. (2014). New genre in Tatar literature: «Tatar tanka». *Journal of Philology*, 3–4(48), 131–135.

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь); *e-mail*: ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652.

Information about the author:

Eugene E. Ivanov, Doctor of Philology, Leading Research Fellow of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University (Republic of Belarus); *e-mail*: ivanov_ee@msu.by
ORCID: 0000-0002-6451-8111; Scopus Author ID: 57222386652.